

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.53

А.Н. РОМАНЕНКО

УДК 94

ББК 63.3(2)622

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО РУКОВОДСТВА О ЯПОНИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием и развитием представления советского военного руководства о Японии. Отдельное внимание в процессе исследования уделено восприятию Японии в контексте различных военных и политических событий, культурных и идеологических ценностей, а также через призму понимания Советский Союзом структуры мирового порядка и его ключевых участников. Также через призму позиционирования Японии в сознании руководства СССР было концептуализирована роль и цели Советского Союза в Восточной Азии.

Ключевые слова: СССР, Япония, война, международный порядок, нация.

А.Н. ROMANENKO

PRESENTATION OF THE SOVIET MILITARY LEADERSHIP ABOUT JAPAN

The article deals with the issues related to the formation and development of Soviet military leadership's perception of Japan. Particular attention is paid to the perception of Japan in the context of various military and political events, cultural and ideological values, understanding of the structure of the world order and its key players. Also through the prism of Japan's positioning in the minds of the Soviet leadership the role and objectives of the Soviet Union in East Asia were conceptualized.

Keywords: USSR, Japan, war, international order, nation.

Советский Союз проявлял интерес к Дальнему Востоку задолго до Второй мировой войны. К 1930-м гг. СССР и Япония рассматривали себя как восходящие державы, стремящиеся к расширению своих территориальных владений. В дополнение к стратегическому соперничеству, уходящему корнями в XIX век, между ними обострилась идеологическая вражда, порожденная большевистской революцией и растущим влиянием ультраконсервативных военных на японскую политику.

В 1932 году, после японского вторжения в Маньчжурию и создания «марионеточного государства» Маньчжоу-Го, советско-японские отношения еще больше ухудшились вследствие подписания Японией Антикоминтерновского пакта с гитлеровской Германией в ноябре 1936 года, который был задуман как защита от международного коммунизма. Япония обратила свои военные интересы на северо-восточный Китай, регион, граничащий с советским Дальним Востоком, а споры о демаркационной линии привели к росту напряженности в отношениях с Советским Союзом. Советско-японские пограничные конфликты продолжались до 1939 года и битвы на Халхин-Голе, в которой японцы потерпели поражение. После германского вторжения во Францию и Нидерланды и последующей экспансии держав Оси в Европе, Советский Союз, стремясь не столкнуться одновременно с двумя фронтами и защитить свою восточную границу, подписал советско-японский пакт о нейтралитете 13 апреля 1941 г. [1].

Однако для понимания и корректного исторического анализа событий тех лет, с целью выяснения истоков конфликта между странами, которые определили ход и, в конечном счете, исход войны, необходимо четко понимать какой образ Японии сформировался у руководства Советского Союза, какими ориентирами и установками руководствовались военные и политические лидеры в ходе принятия решений.

В тоже время необходимо отметить, что восприятие и образы Японии времен Второй мировой войны в советской научной литературе рассмотрены крайне не системно и фрагментарно. При этом более четкая формализация обозначенной проблематики гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. В 1982 году Джон Стефан пронизательно заметил, что «советские представления о Японии более сложны и неуловимы, чем это кажется при первом приближении. Несмотря на особенности советской системы, цензуру и вездесущность идеологии, обычные методологические подходы, связанные с анализом образов и представлений, в равной степени применимы и к советскому случаю. А именно, советский образ Японии, который можно обнаружить в немногочисленных изданиях, будет варьироваться в зависимости от выбранного периода и типа текстов» [2].

Ознакомление с пониманием и типологизацией европейских, китайских и японских соседей России, которые можно встретить в имеющейся

литературе, очерчивает очень многосторонний и неоднозначный этап глобального империализма, а также указывает на место России в нем. При этом отчетливо просматриваются стилизованные представления о европейскости и азиатскости, имеющие важное значение для формирования образа Японии и угроз, исходивших от нее для СССР. В свою очередь, следует отметить, что успешная вестернизация Японии и победа над Китаем усложнили ее идентичность и представление в политических, военных и экономических аспектах. Обладая одновременно азиатской этнической принадлежностью и европейскими военными и политическими структурами, Япония была в некоторой степени предметом разногласий в различных кругах советского руководства.

Таким образом, обозначенные обстоятельства обуславливают выбор темы данной статьи, а также подтверждают ее значимость с точки зрения исторической памяти в сравнительной перспективе.

Историографические интерпретации начала Второй мировой войны, роль Советского Союза и Японии в процессах, способствующих ее подготовке, нашли свое отражение в работах Дармограй А.В., Акопьянц А.С., Зимонина, В.П., Старикова Н.В., Norman Lowe, Ann B. Irish, Isoda Sadaak, Matsumura, Tadayuki.

Особенностям межгосударственных отношений Японии и СССР в военной, дипломатической и политической сферах посвятили свои публикации Клинов А.С., Бодрова Е.В., Калинов В.В., Цыунов Д.А., Harry J. Wray, Seishiro Sugihara, Kate Clements, Paul Cornish, Vikki Hawkins.

Изучение внешнеполитического курса Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе через призму возрождения японского милитаризма и империализма входит в круг научных интересов Дегтева И.А., Алтунина С.Н., Groshевой Е.К., Муратова А.И., Чуприной А.Д., Keith Neilson, Jessica L.P. Weeks, Wolff D., Ann B.

В работах обозначенных ученых, а также других публикациях широко рассматриваются вопросы советско-японских отношений в системе довоенных и послевоенных международных координат, предпринимаются попытки изучить позиции СССР и Японии на фоне сложившейся обстановки в Восточной Азии. Также в некоторых работах содержится анализ общего контекста политических решений и коммуникаций не только СССР и Японии, но также Германии, Китая и прочих европейских стран в период Второй мировой войны.

Однако идеологическая, цивилизационная, культурологическая составляющая связей СССР и Японии не получила должного рассмотрения в научных трудах. В отдельной проработке нуждаются вопросы, объясняющие каким образом представления о Японии у советских элит связаны с принятием тех или иных решений в отношении векторов дальнейшего сотрудничества.

Необходимо отметить, что малочисленное количество исследований в данной предметной плоскости связано с ограничениями на использование официальных документов и исторических материалов в советское время. Более глубокое изучение данной тематики стало возможным в связи с рассекречиванием исторических архивов после распада Советского Союза.

Так, основными источниками исследования в данной работе являются официальные документы и исторические материалы Российского государственного архива социально-политической истории и Российского государственного военного архива, а также сборники официальных документов и исторических материалов, опубликованные после распада Советского Союза. В частности, издания мемуаров маршала Жукова «Вспоминания и размышления» и мемуаров маршала Василевского «Дело всей жизни».

Таким образом, цель статьи заключается в проведении анализа содержания сложившихся образов и представлений советского военного руководства о Японии.

Ознакомление с официальной советской идеологией позволяет прийти к выводу о наличии некоторой неопределенности официального дискурса СССР по поводу Японии. Представления об этой стране, которые содержались в отчетах, рапортах военных атташе, данных военной разведки, а также распространяемые газетами и литературой, колебались в зависимости от состояния отношений между двумя странами и политических целей советского руководства в целом. Например, в конце 1930-х гг., после роста напряженности и столкновений на Дальнем Востоке представление о Японии и японском народе стало резко негативным.

В период окончания войны и в послевоенные десятилетия Япония рассматривалась как неотъемлемая часть капиталистического лагеря, но единого взгляда на роль Японии в этом лагере не существовало. Некоторые представители военной советской элиты воспринимали Японию как пособника американского империализма в Азии. В то же время сама Азия рассматривалась как место сопротивления американскому империализму.

Зачастую среди военных существовали прямо противоположные точки зрения. Так, например, В.К. Блюхер, командующий Особой Дальневосточной армией (советский военный советник в Китае с 1924 по 1927 г.) и Л.М. Карахан, заместитель народного комиссара иностранных дел, представляли прокитайскую фракцию, целью которой была стабилизация ситуации на Дальнем Востоке после Маньчжурского инцидента. Они стремились укрепить отношения с китайским националистическим правительством и занять жесткую линию в японо-советских отношениях.

Однако данный подход был раскритикован начальником Генерального штаба Красной Армии М.Н. Тухачевским, который входил во фракцию сторонников жесткой линии в отношении Германии, а также народным комиссаром иностранных дел М.М. Литвиновым, представлявшим фракцию интернационалистов, из-за опасений негативного влияния такой позиции на ситуацию в Европе [3].

В этих условиях советское военное руководство уделяло большое внимание обороне Дальнего Востока, готовясь к военному наступлению Квантунской армии, и на основе второго пятилетнего плана постепенно осуществляло военную модернизацию, увеличивая численность советских войск на Дальнем Востоке, усиливая техническое оснащение и создавая крупномасштабную военную инфраструктуру в Дальневосточном регионе.

Разногласия также продолжались и по ходу ведения Второй мировой войны. После победы в Сталинградской битве Сталин начал серьезно заниматься подготовкой к войне против Японии. Он приказал НКВД построить новую железнодорожную линию, которая соединит Комсомольск-на-Амуре с Советской Гаванью на Тихоокеанском побережье [4].

В рамках подготовки, Сталин запросил у своих экспертов по внешней политике и разведке документы с изложением позиции в отношении Японии. И заместитель наркома иностранных дел И. Майский в январе, и посол в Токио Я. Малик в июне 1944 года в отдельных меморандумах выступали за восстановление советских границ, которые обеспечили бы будущую безопасность Советского Союза, в частности, настаивая на возвращении южного Сахалина и Курил. Оба обосновывали эти требования с точки зрения советской безопасности, а не на основе исторической законности или какого-либо идеологического принципа. Но И. Майский и Я. Малик предполагали, что эти требования должны быть удовлетворены союзниками на мирной конференции после войны без участия Советского Союза в войне. Сталин и генералитет с этим не согласился. Скептически относясь к доброй воле союзников выполнить свои обязательства по советским требованиям, Сталин был полон решимости оккупировать эти территории военным путем [5].

В данном контексте при рассмотрении восприятия Японии примечательно содержание речи Сталина на праздновании 27-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1944 года. В это время Сталин публично осудил Японию как «государство-агрессор» проявив при этом осторожность в отношении к ней: «Нельзя считать случайностью такие неприятные факты, как «инцидент» в Перл-Харборе, потеря Филиппин и других островов Тихого океана, потеря Гонконга и Сингапура, когда Япония, как государство-агрессор, оказалась лучше подготовленной к войне, чем Великобритания и Соединенные Штаты Америки, проводив-

шие политику мира» [6]. Этот тон также прослеживался в денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 5 апреля 1945 года, когда нарком иностранных дел Молотов объяснил, что операция «Барбаросса» и нападение на Перл-Харбор еще не произошли, когда пакт был первоначально заключен: «С тех пор ситуация в корне изменилась. Германия напала на СССР, а Япония, союзник Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония ведет войну с США и Великобританией, которые являются союзниками Советского Союза. В этих условиях пакт о нейтралитете между СССР и Японией потерял смысл, и продление его стало невозможным» [там же].

Следует отметить еще один немаловажный момент, который играет значительную роль в понимании того, как формировалось восприятие Японии военным советским руководством. Суть его заключается в том, что предпринимались самые разнообразные попытки собрать и проанализировать как можно больше информации о японской истории и культуре, чтобы понять особенности японского общества и его менталитет. В качестве примера можно привести книги, которые находились в личной библиотеке Сталина.

Первая книга — это «История фашистских военных движений в Японии». В процессе изучения этого издания Сталин ознакомился с экономическим положением Японии, состоянием рабочего класса и сельской местности. Также известно, что он тщательно изучал возможность распространения социалистических и коммунистических идей в японском обществе и различные условия для этого. Второй книгой была «Военно-морская мощь Японии». Ее подготовило Главное разведывательное управление Генерального штаба. В этой книге содержались данные о системах функционирования японского флота, военной организации различных войск. Известно также, что эта книга предоставила важную информацию о военно-морской мощи Японии высокопоставленным чиновникам Красной Армии [7].

Третьей книгой была «Угроза Японии» ирландского профессора японской культуры Таида О'Конроя, и в этой книге Сталин воспринимал японцев как дикую нацию, которая любит кровь, и чьи предки были близки к «злодеям» и «негодьям», при этом указывалось, что Сталин был обеспокоен тем, что такая жестокая японская нация будет представлять военную угрозу для Советского Союза в будущем [8].

В целом можно выделить четыре призмы, через которое военное руководство Советского Союза изучало Японию? и которые легли в основу формирования представления о ней — это география, история, идеология и культура. Такой спектр концептов приводил зачастую к амбивалентным чувствам, включающим недоверие, попытки провести культурную идентификацию с японским коллективизмом, а также разо-

чарование и тревогу в связи с ростом национализма. Наиболее часто встречались две позиции: сторонники общей либеральной ориентации представляли Японию как достойного врага, восхваляя ее перенимание западных технологий.

Те же, которые придерживались жесткой линии в отношении Японии воспринимали ее как «уродливый сплав отрицательных европейских и азиатских качеств», полагая, что она отказалась от приличий своего азиатского прошлого ради западной военной и культурной модели, которую не смогла полностью постигнуть [9]. Некоторые деятели, которые занимали высшие военные чины, считали, что Японии удалось усвоить лишь негативные элементы европейскости, примером которой была Великобритания. Кроме того, они полагали, что страна восходящего солнца использовала свои вестернизированные вооруженные силы для угнетения китайских соседей и оскорбления законных интересов России в Маньчжурии. Нападение островной империи на Порт-Артур до официального объявления войны показало, по их мнению, что ею все еще движут такие азиатские качества, как вероломство и кровожадность. Как результат Япония рассматривалась в качестве особо опасного врага, который являлся примером худших элементов как европейскости, так и азиатскости [2].

Эта матрица позиционирования Японии имела важные коннотации и для определения места самого Советского Союза в геополитическом пространстве. Гротескные и нелестные образы, сложившиеся у военного руководства СССР в отношении как азиатов, так и европейцев отличали Советы от их нежелательных атрибутов. Они были, в некотором смысле, инверсиями русской добродетели. В соответствии с этим СССР существовал во враждебной глобальной системе. Европейские соперники, такие как Великобритания могли в любой момент обмануть или подорвать ее. В этих координатах мирового порядка, независимо от благонадежности Японии, она рассматривалась как младший член мировых держав, который постоянно норовил с ними соперничать.

Общая позиция военного руководства СССР в отношении международной политики также добавляет еще одну черту к пониманию того, как они видели Японию. Отталкиваясь от того, чем Россия не была, а, по их мнению, она не была ни жадной и навязчивой европейской империей, ни вероломным или отсталым азиатским царством, Россия представляла собой смесь лучших качеств каждой из них и, таким образом, являлась полярной противоположностью Японии. Она обладала развитой цивилизацией и технологиями Европы, но не имела ее напыщенности и скупости. Она противостояла европейскому империализму, но не была подвержена застою и грубости династии Цин. Это означало, что Россия может выступить в качестве своего рода антиимпериалистической империи.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что восприятие Японии советским военным руководством было сформировано на основе сбора и анализа разнообразной информации. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что образ Японии парадоксальным образом был обусловлен советской идеологией и амбивалентным местом Японии, как капиталистической, так и азиатской страны как члена Западного лагеря, так и его жертвой внутри него.

В позициях военного руководства прослеживаются как жесткие линии в отношении Японии, так и более нейтральные подходы, однако первые оказались в большей степени доминирующими и занимали важное место в руководстве войной Советского Союза против Японии. Понимание Японии находит свое яркое отражение в целях войны, которые трактовались как борьба против милитаризма и империализма. Кроме того, даже несмотря на заключение советско-японского пакта о нейтралитете, в позициях военного руководства прослеживается восприятие японской угрозы в Тихоокеанской войне.

Также образы, которыми оперировали и на которые ориентировались по отношению в Японии советские военные начальники, позволили концептуализировать интересный взгляд, сформированный в СССР на европейских и азиатских акторов, присутствующих на международной сцене. Это в свою очередь дало возможность понять, как представлял себя Советский Союз и какие позиции он занимал в Восточной Азии в период расцвета глобального империализма.

Список использованной литературы и источников

1. Бережной К. А. СССР и Япония в годы Великой отечественной и Второй мировой войны / К. А. Бережной, И. С. Овчинников, Г. А. Покровский // Памятные даты истории : сборник научных статей студентов. – Москва, 2022. С. 107-114.
2. Roberts J. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939-1953 / J. Roberts. – Yale University Press, 2006. – 234 p.
3. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. / Г. К. Жуков. – Москва : Вече, 2015. – 478 с.
4. Василевский А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – Москва : Вече, 2015. – 605 с.
5. Гришаева Л. Е. Долгое эхо советско-японской войны 1945 г. / Л. Е. Гришаева // Дипломатическая служба. – 2020. – № 4. – С. 18-41.
6. Хётч О. Россия. Введение: (на основании ее истории от войны с Японией до Мировой войны). Берлин, 1917 / О. Хётч. – Москва : Посев, 2021. – 426 с.
7. Военный Совет при Народном Комиссаре Обороны СССР: Документы и Материалы 1938, 1940 гг. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 478 с.
8. Хлевнук О. В. Сталин и Каганович, Переписка, 1931-1936 / О. В. Хлевнук. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 386 с.
9. Ministry of Foreign Affairs of Japan ed, Senji Nisso Koushoshi (History of Japanese-Soviet Wartime Negotiations) // Yumani Shobou. – 2006. – Vol. 2. – P. 894-895.

Информация об авторе

Романенко Александр Николаевич – аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Author

Alexander N. Romanenko – postgraduate student Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation.